

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос)
С60

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Печатается по изданиям:

Кнорре Ф. Солёный пес / Федор Кнорре. — СПб. : Амфора, 2015.
Коконин Л. Стая / Лев Коконин. — СПб. : Амфора, 2010.
Рябинин Б. Рассказы о потерянном друге / Борис Рябинин / Под ред. С. В. Марченко. — Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1991.

Дизайнер обложки *Helga*

Серийное оформление корешков *Сергея Ткачева*

Иллюстрация на контртителе *Дмитрия Скляра*

Художник *Михаил Майофис*

ISBN 978-966-14-9367-3 (серия)
ISBN 978-617-12-1439-2 (Украина)
ISBN 978-5-9910-3670-2 (Россия)

- © Федор Кнорре, наследники, 2016
- © Лев Коконин, наследники, 2016
- © Борис Рябинин, наследники, 2016
- © Д. Е. Веселов, составление, 2016
- © DepositPhotos.com / yugan78, обложка, 2016
- © Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2016
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2016
- © ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», г. Белгород, 2016
- © АО «Букс Медиа Москау», 2016

ФЕДОР КНОРРЕ

Соленый пес

Характер у его матери был удивительно покладистый и уживчивый. Никто лучше ее не умел ладить с соседями-людьми и собаками. Разве только с кошками во дворе у нее разыгрывались иной раз шумные скандалы. Она была очень неглупая пожилая собака и умела дорожить своим скромным положением в жизни. Как-никак у нее свой собственный дворик. Треснутая глиняная миска, всегда дочиста вылизанная ее языком. Конурка под крыльцом хозяйского дома. Роскошью это не назовешь, но в собачьей жизни и за это приходится держаться. Конечно, ей отлично было известно, что есть такие собаки, которые живут прямо в комнатах, водят за собой по улицам людей на прогулку или с глупым видом высовывают морды из окошек проезжающих автомобилей. С ними у нее не было ничего общего, она им не завидовала да и за собак настоящих не считала. С нее было довольно и того, что она не бродяжка какая-нибудь, не бездомная уличная попрошайка, а настоящая дворовая собака при своем деле: охраняет двор и свою миску, а заодно и хозяйский дом. Зимой ей приходилось порядочно померзнуть, особенно по ночам, когда ледяной ветер злобно вдувал

в каждую щелку ее конуры колючую струю, так что шевелилась шерсть на спине. Но здесь, на берегу теплого моря, зима продолжалась недолго, приходила мягкая, душистая весна и начиналось долгое лето, пыльное и знойное. И каждое лето повторялось одно и то же. На нее надвигалось событие, которое она предвидела, каждый раз задолго с ужасом чувствовала его приближение и каждый раз пыталась бороться, напрягая всю свою сообразительность и хитрость. Она делала все, что могла. В самом дальнем углу двора она заранее прорывала подкоп под фундамент и там, за камнями, в темноте, спрятавшись от людей, в тревоге и страхе укрывала свой выводок — пять или шесть щенков, беспомощных и слепых. Хозяин ее звал к себе, манил, ругал, совал в угол палку и кидал камушки, чтоб заставить ее выйти. Она все терпела молча, не подавая голоса. Мучаясь от жажды и голода, она сутки не выходила из своего убежища. Наконец в сумерках выползала, настороженно вслушиваясь и осматриваясь. Во дворе никого не было. Миска наполнена размоченным в воде пахучим хлебом. Она подбиралась к ней, тяжело дыша пересохшим ртом, с языком, распухшим и потрескавшимся от жажды. И тут на пороге появлялся хозяин, ласково подзывал ее к себе. Она опрометью кидалась назад, забивалась под фундамент и опять ложилась рядом со щенятами, подталкивая носом, собирала их поближе к себе и, чувствуя, как они копошатся, толкая ее слабыми лапками, опять молчала, не отзываясь.

Все это повторялось много раз, и неизбежно она все-таки снова появлялась около миски с водой и, несмотря на все увертки, умоляющий визг и угрожающее рычание, оказывалась в руках у хозяина, а затем привязанной на веревке. Она знала все, что будет дальше, и начинала изо всех сил рваться, готовая себя заду-

шить, кидаясь во все стороны, переворачиваясь через голову, когда веревка сбивала ее с ног. А хозяин в это время приносил знакомое грязное ведро, в котором плескалась вода, становился на четвереньки, кряхтя, тянулся длинной палкой и по одному выгребал щенков из их убежища. Он складывал их всех в ведро, и, пока он шел через двор, в ведре все время плескалась вода и оттуда шел звук какого-то слабого движения. Потом хозяин открывал калитку, уходил куда-то и, вернувшись через некоторое время с пустым ведром, надевал его вверх дном на колышек у крыльца. Так было каждый раз, и так все шло и теперь. Но то ли сила отчаяния собаки увеличилась, то ли веревка была старая — после безумного рывка, когда у нее потемнело в глазах от удушья, она вдруг почувствовала, что освободилась. Хозяин с ведром в руке открывал калитку в тот момент, когда собака в слепом отчаянии налетела и ударилась грудью в ведро. Ведро покатилося на землю, оттуда вылилась вода. Хозяин хотел схватить собаку за шиворот, но она увернулась, бросилась к щенкам, схватила зубами одного и кинулась бежать по улице. Отбежав немного, она положила щенка и кинулась, униженно и умоляюще повизгивая, к человеку. На этот раз ему едва не удалось ее схватить и захлопнуть калитку. Она снова примчалась к щенку, схватила его за шиворот, но снова бросила и опять стала царапаться в калитку, как вдруг, что-то поняв, вся взъерошенная от страха, опять схватила щенка и побежала по улице. Едва завидев идущих навстречу людей, она свернула в знакомую лазейку и потом долго со щенком в зубах пробиралась через кусты, которыми порос весь откос берега моря. В самой гуще кустарника она торопливо выкопала углубление и, лежа там, всю ночь с исступленной нежностью его облизывала, дрожала от страха и тихонько стонала.

Несколько раз она убегала в темноту — прислушаться около калитки — и стремглав неслась обратно к своему единственному спасенному, боясь, что и он пропал в ее отсутствие.

Она больше не вернулась домой. Ради сына она стала бродячей собакой-нищенкой, из тех, что выпрашивают около рыночных ларьков подаяние, добывают случайные кусочки отбросов около помоек или на свалке. Она сильно исхудала, а щенок подрастал и толстел, сосал молоко и спал, набираясь сил, в песчаной ямке среди густого колючего кустарника. Вокруг него повсюду торчали колючие ветки кустарника, и ему под ними было безопасно и просторно. С моря пахло водорослями, и оно постоянно шумело, иногда сильнее, иногда тише. Кругом был песок. С тех пор как у щенка открылись глаза, и немного позже, когда он научился видеть, его внимание всегда привлекал странный предмет, наполовину скрытый среди листьев. Длинная, изогнутая шея тянулась вверх. Днем иногда на ней зажигался яркий золотой блик солнца. Предмет был очень далеко. Шагах в двухстах, если считать на щенячьих шагах. Шагах в пяти, если считать на человечесьи.

Однажды, оставшись один надолго, когда мать ушла на свой нищенский промысел, он ощутил такой прилив бодрости, что выполз из ямки и впервые, напрягшись изо всех сил, встал на все свои четыре лапки и двинулся вперед. На ходу его так пошатывало из стороны в сторону, что он был похож на маленького толстенького пьянчужку на кривых лапках. Он изо всех сил старался шагать как следует. Передние лапы бодро маршировали, высоко поднимаясь, точно он собирался ими барабанить, а вот задние, те тянулись как-то сами по себе, все время отставая, до тех пор пока он не растягивался на пузе. Но он каждый раз упрямо

поднимался снова и опять шел и шел, пока не наткнулся на предмет, блестящий на солнце. Ничего не понимая, он ткнулся в него носом и попробовал пососать, но из этого ничего не получилось. Перед ним была большая круглая дыра, изогнутая шея. Все твердое, гладкое. Это был старый медный кофейник без дна, выброшенный на свалку. Щенок влез до половины в круглое отверстие. Впереди светилось другое отверстие, но стенки все сужались. Он попробовал протиснуться вперед, но только застрял и вдруг испугался. Он совсем позабыл, как надо пятиться, и захныкал, барахтаясь в кофейнике. Кое-как вывалившись обратно на свет, он торопливо засовался рыльцем во все стороны и тут понял, что позабыл дорогу обратно, погиб, пропал безвозвратно, сию минуту умрет от голода — все разом, — и расплакался во весь голос.

Он шел, падал, вставал, поворачивал в разные стороны, не переставая рыдать, безутешно захлебываясь от страха и отчаяния. Под ним образовалась лужица, он разучился смотреть, ходить, соображать, зато голос у него становился все громче и пронзительней, все силы уходили в голос. Вдруг он почувствовал мягкий толчок под бок, услышал тяжелое дыхание матери, примчавшейся откуда-то издалека. Большой язык облизал разом всю его маленькую морду. Ее зубы мягко и крепко сжались, ухватив за мягкую складку на шее, и он повис в воздухе, разом замолчав. Страх как не бывало. Он не очень-то любил, когда мать таскала его за шиворот, но сейчас даже не пикнул. Растопырив лапки, не шевелясь, он поехал, беспомощно покачиваясь в зубах матери, успокоенный и счастливый, обратно в родную ямку...

В другой раз он ушел гораздо дальше и опасливо обошел кофейник. Прошел мимо ржавых жестянок от

консервов, мимо старого башмака с загнутым кверху носом и вдруг увидел что-то пестрое, большое на костлявых ногах, что стояло перед ним, вытягивая длинную шею, уставилось на него в упор круглым глазом. Он сразу вспомнил случай с кофейником. «Ну, на этот раз ты внутрь меня не заманишь, еще опять застрянешь», — подумал щенок и начал потихоньку пятиться. Костлявые ноги двинулись, шея вытянулась, и чудище его клюнуло. Тогда его охватила ярость, и он впервые в жизни зарычал и залаял тонким голоском, неуклюже припадая на передние лапы. Петух, возмущенно бормоча, повернулся и с надменным видом отошел порывистыми шагами. Всю ночь после этого происшествия щенок вздрагивал во сне, и ему снились петухи и кофейники. То кофейник, угрожающе вытягивая длинную шею, готовился его клюнуть, то сам он застревал в петухе и никак не мог выбраться обратно.

Утром он проснулся от холода. Матери рядом с ним не было. Он был один в мокрой от росы ямке. Он сел, опираясь на передние лапки, задирая кверху свою маленькую морду, заскулил, а потом стал подвывать, поворачиваясь во все четыре стороны, чтоб услышала мать. Все было напрасно, мать не появлялась. Тогда он замолчал и долго уныло сидел, тупо глядя перед собой, не зная, что же ему теперь делать. Родная ямка без матери потеряла для него всю прелесть. Он выкарабкался из нее и, спотыкаясь, побрел куда глаза глядят. Привычный шум моря становился все ближе. Кустарник кончился, и щенок увидел большое, открытое пространство, усыпанное желтым песком. Впереди что-то большое двигалось, переливалось и сверкало на солнце. Это было море. Он подошел поближе и вдруг почувствовал на себе холодные брызги. Белая пена набежала, окружила его со всех сторон и зашипела. Он не очень

испугался, угрожающе сморщил нос и изо всех сил ударил лапой по самому большому пузырю, но это мало помогло — новые пузыри вздувались и шипели вокруг него, и его еще раз обдало брызгами. Он невольно попытался, неуклюже стараясь обтереть морду лапками.

Дети, играющие на берегу, его заметили, подняли на руки и наперебой стали тискать, гладить и называть ласковыми именами. Щенков именно в таком возрасте люди охотно рисуют на конфетных коробках и изображают на открытках. Толстенский, с короткими ножками, больше похожий на какого-нибудь маленького барсучка или хомячка, чем на собаку, он помещался весь на двух детских ладонях. Ребятишкам это очень нравилось. Щенку люди тоже понравились. С ними он не чувствовал себя одиноким, а когда все стали его наперебой звать к себе, угощать кусочками чего-то вкусного — понравились ему еще больше. Стоило ему тявкнуть или далеко высунуть язык — все смеялись и восхищались. Когда его подносили к воде, поддерживая на руках, он начинал болтать лапками, и все опять восхищались, как он здорово «плавает». После первой встречи с ребятишками он стал поджидать их на берегу каждый день. Они вместе влезали в воду, играли, ели. На руках его таскали так много, что ему даже надоедало, и он начинал капризничать. Ему очень льстило общее внимание, потому что маленькие собачки очень чувствительны к лести (почти так же, как маленькие человечки). Они также любят, чтобы их гладили, ласкали, расхваливали и баловали, чтоб им всеми способами внушали, что они самые интересные, умные, необыкновенные и красивые собачки (или человечки) на всем белом свете.

К вечеру дети разбегались по домам и щенок оставался один на пустынном берегу. Беспорядочная россыпь

СОДЕРЖАНИЕ

Федор Кнорре

Соленый пес 5

Лев Коконин

Стая 42

Борис Рябинин

Нигер 137

Яранг — Золотой Зуб 185